

Вернувшись после тяжелого ранения, Лие Янь перестал во всём докладывать Цзюнь Фэну, напротив, он намеренно сблизился с Пин Чуанем и при дележке добычи отдал ему две целые волчьи шкуры.

Пин Чуань шагнул вперед и принял их, мысленно прикидывая: одну подстелить Юй Иню под спину, а из второй сшить ему небольшой меховой жакет — Юй Иню вечно не сиделось на месте, а в длинном халате ему было неудобно двигаться.

Одноглазый содрогнулся при виде целой горы волчьих шкур. Хотя ему и самому доводилось носить шкуры сородичей, внезапное зрелище того, как зверолюди, устроенные точно так же, как он сам, превращаются в безмолвные трупы, валяющиеся на земле и отданные на милость чужих ножей, заставило его сделать несколько шагов назад.

— Одноглазый, это тебе, — с игривой улыбкой Лие Янь протянул ему драную, испачканную кровью волчью шкуру.

Одноглазый сквозь зубы принял ее: — С какой стати моя шкура испорчена?

Лие Янь ответил: — Прошу прощения, ты пришел слишком поздно.

Одноглазый швырнул шкуру сородичам, чтобы те прибрали ее, и бросил: — Это же Цин Чжу сказал, что являться в то время — самое то...

— Как раз вовремя, чтобы собрать наши трупы? — Лие Янь прервал его неуместные оправдания.

Стоявший неподалеку Цин Чжу выглядел скверно. Он никак не ожил, что Одноглазый окажется настолько слабоумным: мало того, что завел разговор о том, о чем лучше было помалкивать, так еще и его в это втянул.

Цин Чжу холодно бросил: — Заткнитесь оба.

Он бросил взгляд на Пин Чуаня. Высокий зверолюдь стоял в дверях, без малейших усилий удерживая в руках те две волчьи шкуры; солнечный свет струился сквозь бамбуковое окно, падая на его лицо, и резкие черты его профиля тонули в игре света и тени — оставалось только гадать, о чем он думает.

Стычку между двумя сторонами пока удалось подавить. Лие Янь кипел от гнева, а Одноглазый кипел злобой, но не смел пискнуть.

С ледяным лицом Цин Чжу объявил хорошую новость, однако в его голосе по-прежнему звучала привычная мрачность: — Только что пришла весть: у Гао Шаня из племени леопардов родилась двойня — мальчик и девочка. Сегодня вечером все идем праздновать.

В любом племени или селении рождение детей было великой радостью, и Лие Янь тут же расплылся в улыбке: — Пин Чуань, бери с собой Юй Иня, жду тебя вечером выпить!

Пин Чуань искренне радовался за племя, с улыбкой кивнул и пообещал, что придет вовремя.

Пин Чуань толкнул дверь и увидел, что Юй Инь, закрыв глаза, сжался в комок на кровати, плотно закутавшись в до смешного тонкую шкуру зверя.

Он на цыпочках подошел к постели и накинул на него большую из двух принесенных сегодня волчьих шкур.

Юй Инь, спавший тревожным сном, ощутил тень высокой фигуры. Почувствовав внезапную тяжесть, он затрепетал длинными изогнутыми ресницами, приоткрыл глаза лишь на щелочку и сквозь пелену сна разглядел силуэт Пин Чуаня, после чего снова закрыл глаза и провалился в сон.

Пин Чуань простоял неподвижно ровно три минуты, и, убедившись, что не разбудил его, спокойно уселся за стол, принявшись разглядывать вторую шкуру.

Пин Чуань мог догнать самую быструю антилопу и был уверен в победе над гордым львом, но вот шить одежду совершенно не умел.

Он так и сидел без движения, не меняя позы, пока Юй Инь не проснулся.

То ли из-за того, что Пин Чуань дежурил рядом, то ли по какой другой причине, но спал Юй Инь на удивление крепко. С трудом разлепив глаза, он спросил: — Почему ты сегодня не ходил на охоту?

Пин Чуань как раз размышлял, с какой стороны лучше сделать прорези для рукавов, и при звуке голоса Юй Иня у него мгновенно выскочили два маленьких тигриных ушка. — Оставшегося с прошлого раза волчьего мяса еще надолго хватит, — услужливо улыбнувшись, добавил он: — Хочешь чего-нибудь другого? Я скоро сбегаю в лес и подстрелю что-нибудь специально для тебя.

Юй Инь указал на его макушку: — У тебя опять торчат уши.

Стоило Юй Иню увидеть пушистые тигриные уши Пин Чуаня, как ему непременно хотелось их потрогать, и чтобы снова не потерять самообладание, ему пришлось напомнить об этом вслух.

Пин Чуань улыбнулся еще шире, обнажив острые клыки: — Так я лучше слышу. Он не хотел пропустить ни единого слова Юй Иня.

Юй Инь: — Между нами и полметра не наберется.

— Кстати, Лие Янь пригласил нас сегодня вечером на праздник рождения в племя леопардов,
— перевел тему Пин Чуань.

Юй Инь, только что проснувшийся и еще не успевший прийти в себя, зевнул и спросил: —
Разве он умеет рожать детей?

Пин Чуань протянул ему бамбуковый тубус со свежей водой: — Это его младший брат Гао
Шань, у него родилась двойня.

Юй Инь сделал маленький глоток и спросил: — Неужели дарить ему меч в качестве подарка —
не самая лучшая идея?

Пин Чуань присел на корточки и вытащил из-под кровати деревянную кадку, в которой лежали
два заурядных, но острых широких меча. Глаза его засияли от восторга: — Мы и впрямь
мыслим одинаково.

Пин Чуань вытащил мечи и принялся размахивать ими перед Юй Инем, словно хвастался
сокровищем: — Как раз пара.

Уголки ртов Юй Иня дернулись, и он чуть не выплеснул только что сделанный глоток воды.

Юй Инь достал из-под подушки два красных узла мира и согласия — он прихватил их во время
своего последнего задания. Они последовали за ним в этот незнакомый мир и хотя не смогли
принести ему покоя, в качестве подарка выглядели очень красиво.

Он помахал ими перед носом Пин Чуаня: — Давай подарим это.

Пин Чуань никогда прежде не видел ничего подобного: — Что это такое?

Юй Инь швырнул вещицу ему в лицо и небрежно бросил: — На удачу и безопасность.

Пин Чуань немного засуетился, распустил узел и уже хотел накинуть его на шею Юй Иню: —
Тогда я надену его на тебя. Ему казалось, что маленький нежный омега изнежен и хрупок, а
потому больше всех нуждается в такой защите.

Юй Инь с трудом оттолкнул его: — Не трогай, это для подарка.

Заметив, что Юй Инь помрачнел, Пин Чуань не посмел настаивать.

Уже выходя из дома, Пин Чуань снова завел с ним спор: — А я все же считаю, что та пара мечей лучше. Может, передумаешь?

Юй Инь остановился: — Если ты посмеешь подарить эту дрянь, я никуда не пойду.

Пин Чуань замялся и виновато признался: — Мне кажется, тебе этот узел нужнее.

Юй Инь хлопнул его по спине: — Мне хватает и тебя.

Пин Чуань глупо улыбнулся: — Тоже верно.

То, что Юй Инь так отчетливо это понимал, делало жизнь Пин Чуаня сладкой, словно он в детстве разорил пчелиное гнездо и втайне лакомился медом.

Даже если бы его с головы до ног искусили пчелы, это того стоило.

<http://bllate.org/book/18875/1842861>